

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44
В55

Janusz Wisniewski
Koniec samotności

www.wisniewski.net

Серия «Вишневский: просто о сложном»

Перевод с польского Ю. Чайникова

Оформление обложки *Екатерины Елькиной*

Вишневский, Януш Леон.

В55   Одиночество в сети. Возвращение к началу : [роман] / Януш Леон Вишневский; [перевод с польского Ю. Чайникова]. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 544 с. — (Вишневский: просто о сложном).

ISBN 978-5-17-120340-5

Герои «Одиночества в сети» расстались после долгого и страстного романа, а через 9 месяцев у Агнешки и ее законного мужа родился сын Якуб. Годы идут, Якуб взрослеет. Сейчас ему 21 год, он — студент факультета информатики в университете, и однажды благодаря Интернету знакомится с очаровательной Надеей. Однажды Надя обнаруживает, что герои книги, которую она читает, кажутся ей слишком знакомыми и каким-то образом связаны с жизнью любимого. Она делится с Якубом своими подозрениями. Они вместе начинают поиски и наталкиваются на тайну. Теперь у них уже слишком много вопросов к прошлому его матери ... Но имеют ли они право раскрывать чужие секреты?

УДК 821.162.1-31
ББК 84(4Пол)-44

ISBN 978-5-17-120340-5

© Janusz Leon Wiśniewski, 2019
© Чайников Ю., перевод, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

18 июля, ночь...

Дверь с шумом распахнулась, и в сумрак спальни ввалился Иоахим. Сначала до нее донеслось тяжелое сопение, а мгновение спустя — смрад алкогольной отрыжки, смешанной с запахом пота и чеснока. Она еще сильнее зажмурилась и напряглась, а почувствовав на ягодицах его руку, отпихнула ее и тихонечко отползла на край кровати. Он что-то недовольно проворчал, заворочался, кровать заскрипела, задрожала, и очень скоро в спальне воцарилась тишина. Оцепенение отпустило ее лишь после того, как она услышала его храп.

Так она пролежала ровно до полуночи. Она точно знала время по колоколу на башне костела. В одиннадцать вечера он бил одиннадцать раз, а час спустя, в полночь, раздалось тихое, невнятное, единичное глухое бряканье: не иначе как уставший от богослужений и сытного ужина приходской священник приказал не будить не только его, но и прихожан.

Полночь... Время превращений, когда карета становится тыквой... Ах, если бы только это... Она выпорхнула из постели и пошла на кухню. Из недр буфетного ящика достала хранимую там как НЗ пачку сигарет, наполнила высокий хрустальный бокал кубиками льда и налила виски. То же самое сделала и с другим

бокалом. Села на бетонном полу балкона, поставив оба бокала на сложенную в углу потрескавшуюся кафельную плитку. В порыве устройства семейной жизни Иоахим снял ее еще в начале прошлого лета, собираясь настелить ламинат. Но творческий пыл поостыл, лето пролетело, настало очередное лето, а куча плитки продолжала занимать половину балкона.

Она села на почерневший бетон, прислонясь спиной к шершавой штукатурке, и глубоко затянулась сигаретой. Одной затяжки ее бедной голове хватило для того, чтобы пойти кругом. Еще бы, она ведь курила по-настоящему только раз в году, да и виски пила тоже только раз в году. Восемнадцатого июля. Невелик грех, как и все остальные грехи, казавшиеся ей до смешного неважными, будничными, не стоящими даже упоминания, не говоря уж о покаянии во время исповеди, по сравнению с одним, пусть и не смертным, но главным в ее личном списке грехов. И приходился он тоже на восемнадцатое июля... Она поднесла ко рту бокал и не отрывала его до тех пор, пока не почувствовала холод кубиков льда на губах.

Двадцать лет назад. Париж...

Аэропорт. В терминале полно народу, но при этом там было так тихо, словно это не аэропорт, а кафедральный собор из стекла и бетона и все прихожане в нем глухонемые. Она отчетливо слышит звук своих шагов, отлетающий от мраморного пола и отзывающийся многократным эхом, быстро минует группу людей с камерами и микрофонами, подходит к мас-

сивной стойке цвета слоновой кости. За стойкой появляется пожилой седовласый мужчина в синей форме с золотым значком авиалиний и спрашивает по-английски, есть ли среди ожидающих кто-нибудь, кто ждет восьмисотый рейс. Когда она кивает утвердительно, мужчина берет ее за руки, смотрит ей в глаза и тихо цедит каждое слово:

— Восьмисотый не прилетит...

Она видит себя как бы со стороны. Четко видит. Она спокойна, стоит, удивляется, почему этот незнакомец позволяет себе держать ее за руки, слышит будто растянутую во времени или медленно пущенную магнитофонную запись: «в живых никого не осталось...». Тогда она поворачивает голову, ища взглядом тех, к кому могли быть обращены эти слова, но никого не находит. И только тогда понимает, что это именно с ней, а не с кем-то другим говорят:

— Там был кто-то из ваших близких? Примите наши соболезнования...

Она потянулась за другим бокалом. Пепел с дрожавшей в руке сигареты упал на янтарную поверхность, разбив отражение луны. Она смотрела, как черные точки пепла тонут и бесследно пропадают между кубиками льда — растворяются и исчезают, так и не достигнув дна бокала. И от этого зрелища ей стало совсем тоскливо, на глаза навернулись слезы, а в голову закралась мысль, что, наверное, она уже немножко пьяная. Она затынулась очередной сигаретой. Всегда в такие моменты она впадала в две крайности: или замолкала, или же наоборот — в ней прорывалась неукротимая охота выговориться. Но

только перед собой. Так поговорить, чтобы никто не задавал глупых вопросов, никто ничего не комментировал, ничему не удивлялся, не делал вид, что все понимает или хуже того — сочувствует, потому что она прекрасно знала, что никто ее не понимает, а уж тем более не чувствует того, что испытывает она.

Вот и теперь у нее все то же: ей хотелось выговориться, поговорить с собой. Когда она приближается к границе опьянения, одних лишь раздумий ей мало. Она должна проговорить свои мысли вслух, выпустить их материальное воплощение из головы на волю. И обязана непременно услышать их, вступить с ними в диалог. Она говорила сама с собой, задавала себе вопросы, если получалось — сама на них отвечала, спорила, иногда даже ссорилась сама с собой. Так, будто рядом с ней сидит она же сама, но какая-то другая. Странно это все, а по мнению ее подружки-ипохондрички Урсулы, страшно и опасно — «явный симптом неизбежно приближающейся шизы, и я на твоём месте записала бы все это на мобильник и побежала бы с этим к психиатру, потому что у тебя в роду как пить дать был псих». В отношении последнего Урсула была права. Это у Агнешки от отца. От него ей достались только две вещи: божественный лазоревый цвет глаз и как расплата за первое, как бы для равновесия — эти эмоциональные всплески, чтобы не сказать взрывы. Когда он возвращался домой пьяный, он бил маму, бил молча, совершенно без причины, без повода, просто так, для разрядки. А когда та падала, он придавливал ее ногой к полу.

— Как сейчас помню, — начинает она этот монолог и говорит тихо, так сильно сжимая бокал, что того

и гляди раздавит его. — Я вцеплялась в его ножищу, обутую в громадный грязный ботинок с ржавыми подковками на каблуке, пытаюсь снять ее с мамы. Помню, как он пнул меня. И вкус крови на губах, и синяки на заднице, и его ярость. И никогда, никогда, умирать буду — не забуду. Рассядется как султан за столом на кухне, начнет качаться на стуле и долго бессвязно бормочет сам с собой. Под конец жизни он и разговаривал-то практически только сам с собой, потому что всегда был пьяный...

Что я несу?! Ну и чего я такое несу?! Хочу и несу! Про него! И про восемнадцатое июля двадцать один год назад. О грехе, к которому хочу припасть и совершить его еще раз. Тогда в аэропорту я тоже плакала. Впервые в жизни без слез, без звука. Ревела и билась в конвульсиях, но все это шло не наружу, а концентрировалось внутри меня. До сих пор не знаю, как так получилось. Наверное, тогда люди подумали, что у меня пропал голос или что я сошла с ума. Тот дядька из TWA позвал санитара, бородатого араба со шрамом на щеке. Санитар распрямил мою руку и, не говоря ни слова, что-то вколол мне в вену. Даже не стал спрашивать, согласна я или нет. Откуда ни возьмись появился администратор из гостиницы, задел санитару, да так, что игла дернула за собой вену, натянула кожу на предплечье. Я тогда ничего не ощущала, боли тоже. Совсем. Как будто это была не моя рука и не моя вена.

Санитар тогда огрызнулся на парня, а тот, не обращая внимания, все лез вперед и махал у меня перед глазами каким-то помятым листком и что-то кричал по-польски. Сначала мне показалось, что он кричит

у меня во сне, что санитар с ужасным шрамом дал мне что-то вроде наркоза, и я сразу провалилась в сон, а парень появился в том сне первым.

Много лет тому назад, мне было тогда, наверное, лет двенадцать, я упала с качелей и вывихнула палец. Мне его вправляли под наркозом. Первое, что я услышала, когда наркоз подействовал, это был крик. Причем хорошо известный. Страшный пьяный крик отца. И хотя был он вроде как искажен, какой-то хрипучий, вибрирующий, вроде как из громкоговорителя, но все равно я его узнала — это был его голос. Отец в том сне, который я никогда не забуду, орал на меня из недр какого-то темного узкого тоннеля, пробитого в еще более темной бездне. Темнота в темноте и его крик... Вот такая для меня была первая встреча с наркозом... А там, в том аэропорту, было очень светло и очень тихо. Вот почему я точно могу сказать: тогда это был не наркоз.

Не помню, какие из слов того парня с листком дошли до меня первыми. То ли что «он жив», то ли что «он летит к тебе». Зато я помню, как потянулась за этим листком, вырвала у него из рук и стала читать. Когда я прочла уже в третий раз с начала до конца, сердце у меня словно вывернулось наизнанку, дыхание перехватило. Я оттолкнула сначала санитаря, потом администратора, а потом и молчаливого, с густой проседью мужчину в синей форме. А может, и не отталкивала я никого, и они сами растворились? Вряд ли... Во всяком случае я начала протискиваться сквозь толпу. Везде на полу я видела носилки. У стен, у стоек регистрации, рядом с цветочными вазами. Везде, на чем только было можно, сидели люди, а если не на

чем было сидеть, то сидели на корточках или лежали, прикрыв лица руками, молились, но чаще всего — плакали. Над ними склонялись другие люди. В белых халатах, в светоотражающих жилетах, черных сутанах, монашки в белых или серебристо-серых одеяниях. Из громкоговорителей доносился спокойный голос дикторши, повторявший, как заезженная пластинка, по-французски, по-английски и по-немецки, что самолет авиалиний TWA, рейс 800 из Нью-Йорка в Париж, по техническим причинам сегодня не прибудет.

Да мать вашу растак да разэдак! Это ж какие мозги надо иметь, чтобы придумать то, что они придумали — «по техническим причинам». Хотя, если подумать, это не расходилось с правдой. Разбившийся от удара о поверхность океана на тысячу кусков самолет в сущности по самой что ни на есть технической причине прилететь не сможет. Как сейчас слышу сюрреалистический в тех обстоятельствах голос дикторши. И его я тоже никогда не забуду.

Помню, что потом я сидела на какой-то пустой лавочке, прямо напротив молочно-белых дверей, которые раздвигались и снова сдвигались с писком, а стоящий передо мною на коленях парень из гостиницы уверял меня, что «он должен выйти из этого коридора».

Потом на меня что-то накатило, и я заплакала, почувствовав разливавшуюся от низа живота к рукам волну благодарности. И мне захотелось эту мою благодарность обязательно выразить, а поскольку я не знала, кого благодарить, вознесла благодарение Богу. Хотя верующей я никогда не была... И тогда эти пишущие молочно-белые двери раздвинулись в очередной раз и из них вышел он...

На мгновение остановился, нервно оглядываясь вокруг. Он. Первый раз не виртуальный. Пусть вдали, но, наконец, реальный, из плоти и крови. Наконец-то.

Она поднесла к губам пустой бокал. Языком подхватила и отправила в рот кубик льда. Остальные высыпала на ладонь и протерла ими пылающее лицо.

Он заметил меня. А когда он стал медленно приближаться ко мне, я тут же забыла о Боге и благодарности, о том, что с размазанным макияжем и гигантской гематомой от иглы я выглядела как наркоманка со стажем. Хотела сорваться со скамейки, полететь к нему, прикоснуться. Чтобы окончательно убедиться...

Но я не смогла сойти с места, ноги будто приросли к мраморному полу. А может, оно и к лучшему? Может, во всем этом был какой-то замысел? Ведь женщина не должна бегать за мужчиной. Даже влюбленная женщина. Пожалуй, прежде всего именно такая...

Помню, когда он приблизился ко мне и грустно взглянул огромными голубыми глазами, я прижала палец к губам, подавая знак, чтобы он ничего не говорил. А потом... — вздохнула она, прикуривая очередную сигарету. — Только потом...

Внезапно в гостиной зажегся свет. Ее передернуло, будто ток от включенного света прошел сквозь нее. А заслышав шаги, пришла в себя: поспешно притушила сигарету о кубики льда, зажала бокал между ног и прикрыла его ночной рубашкой.

@1

Его разбудила волна тепла. Странно — показалось, что тепло ласкает только его спину. Он медленно открыл глаза: радуги, множество наползавших друг на друга маленьких радуг! Что это? Ну, курнули они вчера, но ведь совсем чуток. Наверняка слишком мало, чтобы это держало до самого утра. По косячку на каждого. Не больше. Надя уже на половине своего начала расстегивать кофточку и сняла лифчик. Он помнит все, что было сразу после, а вот как добрался до постели — провал. Впрочем, не в первый раз.

Рядом с ней он не испытывал нужды в травке во время секса. А однажды — дело было в одном крутейшем варшавском отеле у вокзала — они предавались любви в декадентско-громадной ванне. Тогда у него глаза как будто вывернулись наизнанку. В смысле вовнутрь. Жуть, особенно когда он попытался представить это при других обстоятельствах, но тогда, в той ванне, все было именно так. Сам себе смотрел в глаза! Причем, не в отражение в каком-то там зеркале, а своими собственными в свои собственные! Видел в них очертания Надиной головы между своих бедер. Размазанные и нечеткие из-за того, что двойлись. И тогда он зажмурился. Сильно. Для верности

придавил веки пальцами. Хотел вернуться к реальности. Хотел видеть то, что там делает Надя в неразделенном изображении. Ибо нет в мире таких опиатов, которые выиграли бы соревнование с ее губами...

Продолжая лежать, он широко открыл глаза и на секунду замер, пытаясь собрать мысли в кучку. Это множество радуг, это ведь оптика! Реальная оптика, а не какой-то там продленный кайф. На коже Нади высохли капли воды, образуя микроскопические паровые облачка над кожей, через которые, как через призму, преломлялся свет. Мы часто наблюдаем это на небе после дождя. Много призм и муравейник радуг. На ее спине, на ягодицах, на бедрах. Ну а ласкающее тепло, которое он ощутил? Обычная термодинамика. Вот уже неделю стояла поистине тропическая жара, так что Надя прикрепила дешевый, купленный на распродаже китайский вентилятор к покатоному потолку чердака. Он сам сверлил дырки в досках, прикрепляя это не столько чудо, сколько чудовище техники, которое нормально проработало всего минут пятнадцать. А потом лишь лениво вертело своими лопастями, с трудом меня неподвижный, вязкий, словно желатин, воздух. Лопастки были такие огромные, что своими концами доставали до середины окна в потолке и, вращаясь, отбрасывали на него тень.

Он смотрел на Надину спину, на попку, которая при ее тонкой талии выглядела как сердце, прилепленное к телу и разделенное на две половинки узкой щелкой. Сразу над ней — выпуклость, довольно заметная, никак эволюция хотела напомнить о себе. Он обожал эту выпуклость. Прикасался к ней кончиками

пальцев, целовал, обхватывал губами, лизал, дул на нее. А иногда нежно прикусывал покрывавшую ее кожу с едва заметными светлыми волосками, которые тогда как по команде вставали дыбом, а Надя начинала громко и глубоко дышать, шевелить бедрами и шептать это свое сладкое: «Якуб, что ты опять со мной делаешь...».

Он бесшумно подошел к ней, дотронулся губами до маленькой радуги на этой выпуклости и прошептал:

— С добрым утром, любимая.

Она резко повернула голову. Смотрела на него отсутствующим взглядом. Он заметил слезы в ее глазах и опустил перед ней на колени:

— Ты что, плачешь? Что случилось?

Она перевернулась на спину и прикрыла грудь раскрытой книгой. Долго не отвечала. Кончиками пальцев нежно гладила его щеки и губы.

— Это все из-за книги, — прошептала она.

Краем глаза он глянул на потрескавшуюся и в нескольких местах протертую коричневую с оранжевым отливом обложку, на которой была изображена целующаяся пара.

— Из-за книги, говоришь? — шепнул он, прижимая ее пальчики к своим губам. Потом, не скрывая своего удивления, спросил:

— Это ты из-за книжки, что ль, плачешь? Ты? Ты же взрослая девочка! Я думал, что ты уже не читаешь такие книги, — добавил он с легкой ноткой иронии.

— Такие — это какие конкретно? — резко отреагировала она и приподнялась на локтях. Книга медленно сползла ей на живот, приоткрыв грудь.